

ДОКУМЕНТЫ И СУДЬБЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

14.10.92 № 42 (5419)

6

Издательство «Московский рабочий» выпустило первый том тайного Дневника Михаила Пришвина. Этот Дневник, о существовании которого не знали даже самые близкие люди, писатель вел ежедневно. Рукопись, для издания которой понадобилось бы примерно 15 томов, охватывает целую эпоху — начиная с 1905 года и кончая последним месяцем жизни автора (скончался Пришвин в январе 1954 года). Сейчас этот труд воспринимается как уникальная летопись России в самый трагический период ее истории.

Издательство предполагает напечатать первые 6 томов Дневника. Вышедший первый том вообрал годы мировой войны и октябрьской революции. Второй том (1918—1919 годы) находится в производстве. В настоящее время готовится третий том: начало 20-х годов.

Публикуемые ниже записи взяты из будущего третьего тома. Они приходятся на годы жизни Пришвина в смоленской деревне под Дорогобужем. Здесь Пришвин учителствует, спасает от разграбления именно куп-

цов Барышниковых, пытается организовать в нем музей усадьбыного быта. Среди всеобщей разрухи, голода и вражды писатель не теряет главного — сосредоточенности на своей литературной работе. Итогом жизни на Смоленщине явилась автобиографическая повесть «Мирская чаша». Она была запрещена цензурой и лично Л. Д. Троцким как «столь контрреволюционная».

Лишь теперь зазвучавшее в полный голос слово писателя, к сожалению, может снова умолкнуть в условиях новой разрухи. Издательство, взявшее на себя благородную миссию публикации пришевского Дневника, нуждается и в моральной, и в материальной поддержке.

«Никогда не было еще духовное состояние наше так понижено, как теперь, — писал Пришвин в марте 1920 года, — обнищание духа, видимо, идет параллельно с экономикой: своеобразное доказательство зависимости духа от материи. Основная причина, я думаю, это разрыв с общемировой культурой и остановка: культура есть процесс и не может останавливаться...»

Архив «ЛГ»

Михаил ПРИШВИН:

«Каждый порядочный человек на Руси был гладиатором»

Из тайного Дневника 20-х годов

1920 г.

26 января.

Итак, земля вся разорена, мы еще можем теперь прислониться к вождям нашей культуры, искать защиты у них, ну, Толстой, Достоевский? ну, Пушкин? вставайте же, великие покойники, мы посмотрим, какие вы в свете нашего пожара и что есть у вас против него.

Хорошо тому больному, бес которого покинул последнее, а каково тому, кого бес этот покинул? Бог знает еще когда, и ему надо сидеть так дожидаться, пока бесы оставят последнего, потому что дело не пойдёт и дела никому не будет, пока бес не оставит последнего больного.

7 февраля.

«Репрос»¹ дал в угоду начальству «революционную» пьесу Л. Андреева «К звездам». Был вывешен флаг с надписью: «Коммуна — рай земного счастья угнетенных». Речь говорил т. Успенский, видимо, пьяный, раскачиваясь и заложив руки в карманы, почешется и опять в карман. После спектакля танцевала молодежь, угреватые кавалеры и барышни в шубах (лезли друг на друга), молодежь — три поколения пьяниц, которые уже не могут пить вино, а пьют чай.

Можно соприкоснуться с вечностью, но невозможно быть в вечности, а социализм хочет быть в вечности, остановить мгновенное соприкосновение и заставить его быть.

7 марта.

Разговор: — Слышишь, что это? Будто из пушки. — Это крыши отованные гремят: сильный ветер. — И вот еще! — И вот! Конечно, крыши, чинить некому, ветер: посмотри, как быстро бегут облака, вот эти нижние, будто души скоростножигательных людей. — Какая жуть. Слушай, скажи мне, почему все страшные, немилые раньше события совершаются и так они затрагивают людей близко, физически, и в то же время будто и не касаются: все живут совершенно по старому, неизменно, и никакого обращения Савла в Павла не происходит. Что это? Или душа человека неизменна и катастрофы в ней — сказка? — Нет, я не думаю, что сказка, а что душа наша утратила возможности, потому что умерла, мы живем телами, а души давно умерли. — Знаешь, сохранился тот, у кого раньше души не было человеческой. — А что такое душа человека, чем отличается она от животной души? — Страдание, конечно, только страдание с тоской о том, что она не такая, как животная, и совершенно одинокая и отдельная...

1921 г.

2 января.

А может быть, предания и заветы отцов, сохраненные в сердцах отдельных людей, пронесутся через головы современного поколения, и станет, наконец, можно открыто любить Россию.

Написать Ремизовой С. П.-е². Мне нужно от кого-нибудь из старых друзей письмо с подтверждением, что наше лучшее существование — это существование и утверждение, переделанное через головы современной диктатуры мелкоты.

3 января.

Саженику головищу Маркса из гипса — настоящее «Идиотское поганое» воздвигли на высокие подмостки. Сереежа Львов, каторжанин, страшилки обезьяны, выстраивал красноармейцев, а Иван Горшков, бывший ладней княжеский, потрясая кулаками, говорил речь: «Сметем, раздавим!» Му-

зыка после каждого «сметем» играла «Марсельеза».

У Маркса часто болела голова, чудилось ли ему в то время что-нибудь в этом роде?

10 января.

Разрушитель не дикий человек, а недоучка, тот, кто выкрад, например, из физического кабинета спираль Румфорда, знает, что ее можно приспособить для закуривания папирос.

11 января.

Если бы у Пушкина не было дарования, то, конечно бы, он озлился и в политическом озорстве превзошел бы всех декабристов; давайте его распространить: если бы не было у крестьянина Бога, то, конечно, он давно бы восстал. Одаренность, обладание чем-то держит людей вместе — чем же именно? Любовь это или вера, как говорят, но все эти названия включают в себя ценность жизни.

31 января.

Вот урок: большевики, подымая восстание, не думали, что возьмут и удержат власть, они своим восстанием только хотели проектировать будущее социальное движение, и вдруг оказалось, что они должны все устраивать: роман быстро окончился оплодотворением, размножением и заботами о голодной семье.

4 февраля.

Смотрю в свою жизнь и думаю, что свободен человек только в своей жертве.

13 февраля.

Ты, служитель красоты — художник, не верь людям, которые в газетах и на улицах присягают искусству, не верь! придет час — они поломают твоих Венер, изобьют леса, истопчут дуга и небо закоптят, и, когда ты будешь проходить в этой пустыне, нечем тебе будет оборониться от их слов: «До красоты ли нам теперь, когда есть нечего».

20 февраля.

Мне снились и мысли, что смерть хороша, если бы не было смерти, то как бы это было смотреть бессмертно на бессмертную гадину.

Еще снились мысли: о великом деле истории, личные побуждения к которому у громадного большинства людей необычайно гаденькие и ничего с исторической идеей не имеющие общего. (Сюда можно подвести почти все войны и революции.) Социализм прив-

лекает просвещенных людей, вероятно, идеалом общего дела, превращаемым в личное, между тем тот же социализм привлекает массу обратным: мое в общем, общее в мое.

24 февраля.

Как трудно подыскать себе 3—4-х товарищей с семьями для обработки земли, между тем хотят, чтобы все мы стали коммуной. Вспоминается христианская коммуна о. Ник. Опочского в Велебицах, в которой часть проворовалась, а другая пошла на них с топорами.

26 февраля.

Снилось мне, будто извозчик-товарищ везет меня не как прежние извозчики по воле седока, а куда ему вздумается, на руках у меня охотничья подсадная гусыня. Привозит он меня в дом, и я догадываюсь по какому-то особенному огню, что дом нехороший. На дворе хозяйка поймала мою гусыню и отсекла голову, и еще что-то пылесоса привесила, пылесос отсекла, так, видно, полагается в этом доме, в таких домах жаловаться некому и порядки свои. Но я отбил тело своей гусыни и завернул его в пакет, вошел в дом. В одной комнате были только мужчины, курят, пьют, ведут циничные разговоры, напр., один говорит: «Я пойду сейчас к невесте № 18-й». На одну минуту и я пошел туда и посмотрел в щелку через пустой сучок невесты № 18. Она имела вид этих женщин, была в готовности, а глаза задумчивые, хорошие. Вернувшись назад, я дал понять публике, что я писатель и все это мне годится как материал. Вошли две сестры мои неземные Дунишка и Маша³. «А, ты здесь!» Мы вышли на улицу, и нас провожала бандерша, которая подала мне руку, и я сказал ей: «Я сейчас видел невесту № 18, какая трагедия!» Тут бандерша закатилась смехом над «трагедией», а Дунишка ей говорила серьезно: «Видите, как понимать, Миша понимает все поэтически».

12 марта.

Причина деревенского вопля не бремя налога, а несправедливая раскладка самой деревней налога, вот и надо теперь узнать в подробностях, как «мир» раскладывает.

Получается такое впечатление, будто власть эта в существе своем имеет зло, кто ни взялся за нее, всяк будет делать зло: ею пользуются сыны, чтобы восстать на отца, мальчишка, чтобы припугнуть других мальчишек, ревнивый муж, чтобы отстранить от своей хаты любовников жены, деревенский писак, чтобы добыть себе самогона и т. д. Устроят колонию для детей, она

Снимок 30 х годов

является колонией будущих преступников, устроят союз молодежи — союз разбойников.

13 марта.

Еловский старик рассказывал: — Чем все это кончится? вот и Ленин, сказывают, ходил спрашивать ворожее: «Чем, говорит, это кончится?» «Молот — Серп, — сказала ворожея, — читай наоборот». Ленин прочитал, и выпило, что кончится паризмом.

— Престолом, — прочитали мы. — Ну, престолом, все равно. — Так, стало быть, царя хотят. — Ну, царя не царя, а президента. — А как же престолом-то? — Что же, а разве у президента не будет престола?

21 апреля.

Два фельдшера: один занимается колдовством (очень выгодная профессия), другой, коммунист, выгнанный из партии (за то, что, когда его сделали заведующим отд. здравоохранения, он в тот же день выпил весь спирт в аптеке), занимается доносами — вступили между собою в борьбу.

Каменев⁴ мне сказал, что декреты хороши, а народ плох. Раньше мы говорили, что хорош народ — дурно правительство, теперь хорошо правительство — дурен народ.

25 апреля.

Религиозное чувство есть продолжение чувства природы, а без этого чувства остаются лишь счеты людей между собою.

28 апреля.

Торжество раба. Несем с Лево⁵ из лесу дрова, встречаются мужики.

«Что же, — говорят, — каждый день так на себе носите?» И захохотали сатанинским хохотом. Лева сказал: «Мало их били!»

Какое скрыто в мужике презрение к физическому труду, к тому, чем он ежедневно занимается, и сколько злобы против тех, кто это не делает, и какая злая радость, что вот он видит образованного человека с дровами. «Мужики» — это адское понятие, среднее между чертом и быком, а крестьянин Спиридон Никитич — прекрасное существо. В конце концов мужики, конечно, и составляют питательную среду нашей коммуны.

3 мая.

Коммуна — это название скелета нашей покойной монархии, это кости государственной власти, по которым нельзя узнать лица; а кости государственной власти — ее принудительная сила, общеобязательная, как смерть. И как смерть противоположна жизни, так и коммуна — свободе. Захотели свободу, так вот же вам испытание: коммуна.

Между тем истинная свобода находится по ту сторону такого разделения: раб разделяет чувство свободы и принуждения, монах разделяет женщину на мадонну и проститутку, а рожденный свободным, как рожденный чистым, не знает такого разделения. И только такой человек может создать нам свободу.

11 мая.

Народ не понимает цели коммуны, и каждый занят личным делом. «Какой теперь для себя!» — слышал я.

той стол, и каждый будет находить себя, и так сложится общественное мнение, общество, которое своим фактом существования смягчит принудительную власть, станет размывать, рассасывать ее, как волны, всегда деятельные, размывают неподвижный берег.

Сколько же лет пройдет этой жизни без всякого смысла? Нельзя сказать. Как в личной жизни, так и в общественной бывают роковые столкновения, возникающие вопросы, которых, как ни думай, все равно не одумаешь за свою жизнь, и решаются эти вопросы после и другими людьми. Это наше духовное наследство грядущим поколениям.

14 мая.

Миллионы художников могут, не ссорясь между собою, пользоваться одною булавочной головкой натуры; так, верно, если бы развить все творческие силы человека, то немного бы им нужно было земли и всякой материи, и воевать бы тогда было не из-за чего. Вообще, для творчества нужно немного материи, и не в материи вопрос, может быть, даже, если вопрос ставится о материи, то это бывает признаком, что творчество нарушено и революция есть именно момент нарушения творчества. Творчество чувствуюсь: как освобождение от материальности, преодоление материи, наоборот, чувство тягости материи лишает творчества.

Во всем творческом процессе начало его бывает трудно, когда начинается он чувством тяжести материи, и если распадается, то появляется чувство гадости. Вот и думаешь, что сейчас мы испытываем чувство гадости, хотя трудно остановиться на этом по случаю своего личного несовершенства. Ищешь поправку своему личному в других, даже хватаешься за «честного коммуниста», ищешь его... а не можешь найти. Но это и очень наивно искать морали среди насильников и убийц, искать нужно с другой стороны, там, где все выносятся и не теряют веры, но эта область еще более закрыта личным несовершенством, усталостью, ленью, способностью удовлетворяться малым. Тяжкий вопрос для каждого, кажется, неразрешимый сознанием и внутри настоящего, а после нас, после нашей смерти.

1924 г.

23 мая.

В русской революции материалистически-прогрессивное движение, начатое французской революцией, было доведено до абсурда, до конца: у нас все испробовали и не оставили никаких иллюзий. Этим, вероятно, и будет главным образом замечательна наша революция. Историку нашей революции надо всегда держать в уме, что во время выполнения начал социализма «уничтожающим» недействием тут же кто-то в среде творцов смеялся над всем этим. Все делалось как будто по Марксу, но в тайне нигде так не издевались над ним, этим бордатим человеком. Этот смех как явленное бытие отменен Горьким, но недостаточно углублен. Жертва, материя, конечно, страдала по всей правде, но соответствия ей в духе не было, потому что там рядом с жрецами-простаками был и смехун, из этого смеха потом вышел «наёмник» и «аппаратчик».

Серьезно, с верой в лучшее человечество, через социализм и Маркса, как с верой в Христа к старцу, нельзя было подойти: не было такого старца, в каждом старце был смехун (это есть и в глазах Ленина, на портретах). Этим и отличалась наша революция от французской: та создавала для истории величавые, прямые, фанатически-героические личности, нашу в личностях невозможно представить (в Москве говорят, что над Лениным уже потихоньку посмеиваются: склеп и проч.).

Вступительная заметка и публикация Л. РЯЗАНОВОЙ

¹ Районный отдел просвещения.
² Сестрица Павлова Ремизова, жена А. М. Ремизова.

³ Двоюродные сестры Пришвина, оказавшие большое влияние на его развитие.

⁴ Л. Б. Каменев, в то время член Политбюро ЦК, председатель Моссовета.

⁵ Старший сын писателя.